

КНИГИ ОБ ИНСПЕКТОРЕ АЛАНЕ ГРАНТЕ

Убийца в толпе,
или Человек из очереди

•

Шиллинг на свечи

•

Дело о похищении Бетти Кейн

•

Исчезновение

•

Дочь времени

•

Поющие пески

ДЖОЗЕФИНА ТЭЙ

ДОЧЬ ВРЕМЕНИ
♦
ПОЮЩИЕ ПЕСКИ

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Т 96

Josephine Tey
THE DAUGHTER OF TIME;
THE SINGING SANDS

Перевод с английского
Ж. Грушанской, А. Санина, Ю. Смирнова

Серийное оформление В. Гореликова

Оформление обложки И. Кучмы, В. Манацковой

*Роман «Дочь времени» ранее издавался
под названием «Дитя времени».*

- © А. В. Санин, перевод, 2024
- © Ж. Я. Грушанская (наследник), перевод, 2024
- © Ю. А. Смирнов (наследник), перевод, 2024
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-24725-3

ДОЧЬ ВРЕМЕНИ

РАЛЬФ НЕВИЛЛ,
1-й граф Уэстморленд

РИЧАРД, герцог Йорк

РИЧАРД НЕВИЛЛ,
1-й граф Солсбери

СЕСИЛИЯ НЕВИЛЛ
(«Рэбская Роза»)

ЕЛИЗАВЕТА,
замужем за
Джоном
де ла Полем,
герцогом
Суффолком

Елизавета
Вудвилл

сэр Джон
Грей

герцог
Кларенс,
женат на
Изабелле
Невилл

замужем
за Карлом,
герцогом
Бургундским

женат на
Анне
Невилл

РИЧАРД
НЕВИЛЛ,
граф Уорик
(«Делатель
корлей»)

ДЖОН,
граф
Линкольн

сэр Ричард
Грей

Мargarита

ЭДУАРД,
принц Уэльский

ЭДУАРД,
принц Уэльский

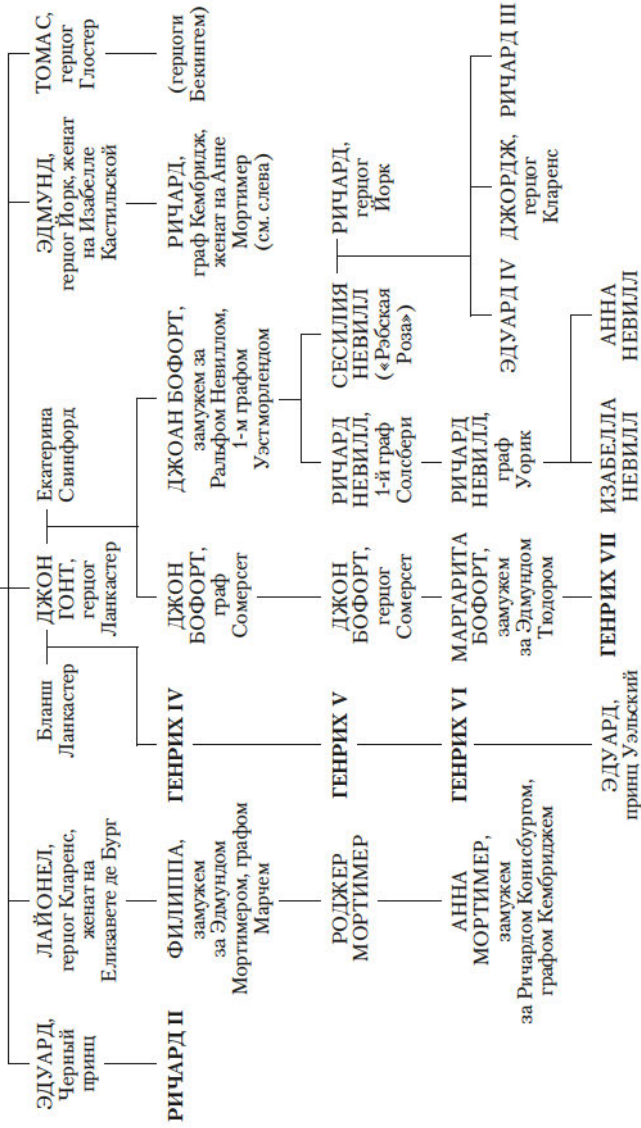
РИЧАРД,
герцог Йорк

ЕЛИЗАВЕТА,
замужем за
Генрихом VII

ИЗАБЕЛЛА,
замужем за
Георгом,
герцогом
Кларенсом

АННА,
замужем за
РИЧАРДОМ III

ЭДУАРД III

Истина — дочь времени.

Старинная пословица

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Грант лежал на высокой белой койке и с отвращением глядел на потолок. Он изучил каждую мельчайшую трещинку на его поверхности. Порой сетка трещин представлялась Гранту географической картой, и он исследовал неведомые реки, острова и континенты; иногда обнаруживал на потолке контуры человеческих лиц, птиц и рыб. Он производил на нем математические вычисления и вспоминал детство: теоремы, углы, треугольники. Других занятий у него не было, и он всем сердцем возненавидел потолок.

Однажды он попросил Лилипутку отодвинуть его кровать хоть чуть-чуть в сторону, чтобы можно было поизучать новую часть потолка, но такая перестановка нарушила бы симметрию палаты, а в больницах симметрия стоит по важности сразу же после стерильности и намного опережает благочестие. Любое нарушение симметрии считается просто непристойным. Почему Грант ничего не читает, как-то спросила его Лилипутка. Почему не читает те новые романы в дорогих изданиях, которые приносят его друзья?

— В нашем мире рождается великое множество людей, которые пишут великое множество книг. Миллионы слов печатаются в типографиях каждую минуту... Страшно подумать...

— Похоже, у вас просто запор, — высказала свое авторитетное мнение Лилипутка.

Лилипуткой Грант прозвал медсестру Ингхэм, хотя в действительности она была ростом в пять футов два

дюйма¹ и весьма милостива. Грант называл ее Лилипуткой, пытаясь хоть немного компенсировать свою полную зависимость от этой изящной фарфоровой статуэтки, которую мог бы поднять одной рукой — когда был здоров, конечно. Именно Ингхэм решала, что ему дозволено, а что — нет, а профессиональная легкость, с какой девушка обращалась с его крупным телом — ростом Грант вымахал за шесть футов², — и вовсе унижала его. Тяжести, казалось, не имели значения для Лилипутки. С рассеянной грацией циркача она жонглировала матрасами. На дежурстве ее сменяла Амазонка, богиня с руками гладкими, как буковые веточки. Амазонкой Грант окрестил сестру Дэррол, которая была родом из Глостершира и каждую весну, в сезон нарциссов, мучилась от тоски по дому. Лилипутка происходила из Литэм-Сент-Эннз и не испытывала к родным местам сентиментального влечения. У Амазонки были большие мягкие ладони и крупные коровьи глаза, которые, казалось, выражали постоянную жалость к подопечному, но малейшая физическая нагрузка придавала ее дыханию сходство с работой всасывающего насоса. Она обращалась с телом Гранта, как с неподъемной колодой, что казалось ему еще унижительней, чем демонстративная легкость, с которой его вертела Лилипутка.

Грант был прикован к постели и находился во власти Лилипутки и Амазонки, после того как свалился на улице в открытый люк. Большого унижения и не представишь — пыхтение Амазонки и бесцеремонность Лилипутки явились лишь его следствием. Провалиться в люк было пределом абсурдности, событием глупым, нелепым и смешным. За миг до своего злосчастного исчезновения с поверхности земли Грант преследовал некоего Бенни Сколла, и то, что за первым же углом Бенни угодил в медвежьи объятия сержанта Уильямса,

¹ 157,5 см.

² Выше 183 см.

едва ли утешало Гранта в теперешнем нестерпимом положении.

Бенни перешел на полное государственное обеспечение сроком на три года, который, вероятно, будет сокращен за примерное поведение. Иное дело Грант — в больнице за примерное поведение срок не сокращают.

Грант перестал глазеть на потолок и перевел взор на стопку книг в ярких обложках на тумбочке, к которым так старалась привлечь его внимание Лилипутка. Верхняя книга, с хорошенькой картинкой, изображающей Ла-Валлетту в неправдоподобно розовых тонах, содержала очередное описание Лавинией Фитч страданий очередной безупречной героини. Судя по рисунку мальтийской гавани, очередная Валерия, Анджела, Сесилия или Дениза была женой военного моряка. Грант раскрыл книгу, только чтобы прочитав теплое послание от самой Лавинии внутри, на форзаце.

В «Поте и борозде» Сайлас Уикли на семистах страницах старательно изображал прозу деревенской жизни. Судя по первому абзацу, в этом романе по сравнению с предыдущим творением того же автора ничего существенно не изменилось: мать лежит в родах (одиннадцатых по счету) наверху, отец лежит (после девятой кружки) внизу, старшая дочь лежит с любовником на сеновале, старший сын лжет налоговому инспектору в коровнике, все прочие забились по углам. Соломенная крыша протекает, а от навозной кучи поднимается пар. Сайлас Уикли никогда не забывал о навозе. И не его вина, что пар являлся единственным элементом картины, устремленным вверх. Если бы изобрели вид пара, который опускается вниз, Сайлас непременно описал бы именно его.

Следующим в стопке после шедевра Уикли был элегантный томик, разукрашенный барочными виньетками и завитушками и озаглавленный «Бубенцы на ее ногах», в котором Руперт Руж игриво острил на тему о пороке.

Первые три страницы в любой книге Руперта казались читателю весьма смешными; к концу третьей страницы можно было заметить, что Руж научился у своего игривого (но отнюдь не порочного) коллеги Джорджа Бернарда Шоу тому, что простейший путь прослыть острожным лежит в дешевом и удобном методе — игре на парадоксах, после чего все остроты можно было предугадать на три предложения вперед.

Темно-зеленая обложка со вспышкой пламени из револьверного дула скрывала последний опус Оскара Окли. Крутые парни, говорящие уголком рта на искусственном американском, в котором не было ни остроты, ни едкости неподдельного языка. Блондинки, шикарные бары, фантастические погони. Макулатура в чистом виде.

В «Деле о пропавшем консервном ноже» Джона Джеймса Марка Грант насчитал три юридические ошибки на первых двух страницах, что, по крайней мере, позволило ему провести пять приятных минут в сочинении воображаемого письма автору.

Что за худосочная синяя брошюра внизу стопки, Грант вспомнить не смог. Должно быть, что-то серьезное и статистическое, подумал он. О мухах цеце, калориях, сексуальных отношениях или еще о чем-то в том же духе.

Любая из книг была полностью предсказуема. Неужели никто больше в этом мире не хочет менять раз и навсегда заведенную пластинку? Неужели теперь каждый писатель втиснут в свою единственную узкую рамку? Литераторы пишут только то, что ждет от них публика. А публика говорит о новом Сайласе Уикли или новой Лавинии Фитч точно так же, как о новом галстуке или новой прическе. Такие читатели никогда не скажут «новая книга такого-то», какой бы она ни была; их интересует не сама книга, а лишь факт ее новизны — на что она будет похожа, они знают заранее.

Хорошо бы, подумал Грант, отворачиваясь с отвращением от пестрой стопки, остановить все типографские машины сроком на поколение, объявить мораторий на выпуск новых книг. Вот бы какой-нибудь супермен изобрел такой луч, чтобы всех вмиг остановить... Тогда больным, неподвижно лежащим на спине, не присылали бы пачки идиотской писанины, и самоуверенные девицы не требовали бы их непременно прочтения.

Грант услышал, как дверь в палату открылась, но не пошевелился, чтобы взглянуть на вошедшего. Он отвернулся лицом к стене в буквальном и переносном смысле.

Шаги приблизились к постели, и Грант закрыл глаза, чтобы не вступать в разговор. Сейчас ему не нужны были ни глостерширское сочувствие, ни ланкаширская деловитость. В следующий момент он почувствовал аромат легкого очарования, ностальгическое дыхание полей Грасса. Грант задержал дыхание. Лилипутка пахла лавандовой пудрой, а Амазонка — мылом и йодоформом. Сейчас его ноздри приятно щекотал дорогой запах «Ланкло № 5». Только одна из его знакомых пользовалась этими духами. Марта Халлард.

Грант приоткрыл один глаз и украдкой взглянул на посетительницу. Она, видно, только что наклонялась над постелью, чтобы проверить, спит ли он, а теперь с некоторой нерешительностью — если это слово вообще применимо по отношению к Марте — рассматривала стопку книг на тумбочке. В руках у нее были еще две новые книги и букет белой сирени. Интересно, принесла ли Марта сирень потому, что считала ее наиболее подходящей зимой (в театральной уборной Марты Халлард белая сирень не исчезала с декабря по март), или же потому, что цветы гармонировали с бело-черным стилем ее одежды? На Марте были новая шляпка и жемчужное ожерелье; в свое время Гранту пришлось приложить немало усилий, чтобы вернуть Марте похищен-

ное украшение. Она казалась очень красивой, очень парижанкой и, слава богу, совершенно не вписывалась в больничный антураж.

— Я тебя разбудила, Алан?

— Нет, я не спал.

— Видно, я зря старалась, — вздохнула Марта, кладя принесенные книги рядом с прежними нетронутыми. — Надеюсь, эти тебе понравятся больше. Неужели тебя даже Лавиния не заинтересовала?

— Я не могу читать.

— Сильные боли?

— Хуже. К счастью, не в ноге и не в спине.

— Что же тогда?

— Моя кузина Лора называет это «зудом от скуки».

— Бедняга Алан... и как права твоя кузина... — Марта извлекла букетик нарциссов из стеклянной вазы, которая была слишком велика для них, театральным жестом бросила цветы в раковину и принялась вставлять в вазу сирень. — Обычно считают, что от скуки люди только зевают, но на самом деле от нее все как-то зудит.

— Маленькое ничто. Зудящее ничто. Такое чувство, будто тебя высекли крапивой.

— Почему бы тебе не заняться чем-нибудь?

— Повысить качество отдыха?

— Повысить настроение. Усовершенствовать душу и характер. Можешь изучать какую-нибудь философию. Йога, например, или что-нибудь в этом роде... Хотя абстрактные измышления, возможно, не лучшая пища для твоего практического ума.

— Я думал было заняться алгеброй — в школе не обращал на нее особого внимания, но перерешал столько геометрических задач на этом проклятом потолке, что любая математика мне опротивела...

— Ну, собирать мозаику в твоем положении не предложишь. А как насчет кроссвордов? Если хочешь, я принесу тебе сборник.

- Боже упаси...
- Кроссворды можно составлять самому. Говорят, это даже интереснее.
- Возможно. Но словарь весит несколько фунтов, кроме того, я ненавижу пользоваться справочниками.
- Я забыла, ты в шахматы играешь? Можно решать шахматные задачи: белые начинают и дают мат в три хода и так далее...
- Шахматы интересуют меня только с декоративной стороны.
- Декоративной?
- Очень изящные фигуры: кони, пешки и все остальное. Весьма элегантно.
- Какая прелесть! Я могла бы принести тебе шахматы... Ладно, ладно, никаких шахмат... Не хочешь ли заняться каким-либо расследованием? Тоже своего рода математика — отыскивать ответы на нерешенные вопросы.
- Ты имеешь в виду преступления? Я все свои уголовные дела знаю наизусть. С ними ничего сделать нельзя — во всяком случае, пока я тут валяюсь.
- Нет, я вовсе не имела в виду твою работу в Скотленд-Ярде. Я хотела предложить кое-что более... как бы сказать... более классическое. Что-нибудь из тех тайн, что веками мучили умы...
- Например?
- Ну, скажем, «письма из ларца»¹.
- Только не Мария Стюарт!
- Почему бы нет? — спросила Марта, которая, как все актрисы, видела шотландскую королеву сквозь дымку белой вуали.

¹ «Письма из ларца» — переписка 1567 г., предположительно между Марией Стюарт и графом Босуэллом. Ее подлинность до сих пор подвергается сомнению. Тем не менее эти письма послужили предлогом для обвинения королевы в заговоре против ее супруга — лорда Дарнли.

— Меня может заинтересовать дурная женщина, но глупая — никогда.

— Глупая?! — воскликнула Марта хорошо отрепетированным низким голосом Электры.

— Очень даже.

— Алан, как ты можешь!..

— Если бы она носила другой головной убор, а не корону, никто бы о ней и не вспоминал. Только из-за короны на нее и зарились.

— Ты считаешь, что в летней шляпке она не любила бы столь же страстно?

— Она никого никогда не любила, в шляпке или без.

На лице Марты отразилось такое возмущение, какое ей только могли позволить вся жизнь, проведенная в театре, и час, затраченный на грим.

— Почему ты так думаешь?

— Мария Стюарт была шести футов ростом, а почти все чересчур крупные женщины холодны в любви. Спроси любого врача.

Сказав это, Грант тут же подумал: почему раньше, за все годы их знакомства, с тех пор как Марта впервые использовала его в качестве кавалера для выхода в свет, ему не приходило в голову, что ее знаменитое равнодушие к мужчинам связано с ее высоким ростом? Но Марта не провела параллелей — она продолжала думать о своем кумире.

— По крайней мере, она была мученицей. Этого ты не можешь отрицать.

— За что же она приняла муки?

— За свою веру.

— Если ее что и мучило, так только ревматизм. Она вышла замуж за Дарнли без благословения папы римского, а за Босуэла — вообще по протестантскому обряду.

— Скажешь, что и узницей она никогда не была?

— Беда в том, что ты представляешь ее вечно заключенной в камеру в башне замка, с решетками на окнах и единственным старым верным слугой, с которым она вместе молилась. В действительности же у Марии Стюарт было шестьдесят человек собственной челяди. Она горько жаловалась, когда их число урезали до каких-то трех десятков, и чуть не лопнула от злости, когда ей оставили только пару секретарей, несколько служанок, вышивальщицу и одного или двух поваров. Кстати, Елизавете приходилось за все расплачиваться из собственного кошелька. Двадцать лет она исправно платила, и все эти двадцать лет Мария Стюарт торговала шотландской короной, предлагала ее любому бунтовщику, согласному посадить ее на потерянный трон, то есть на трон Елизаветы.

Грант взглянул на Марту и увидел, как та улыбается.

— Ну как, проходит? — спросила она.

— Что проходит?

— Твой зуд.

Грант рассмеялся:

— Да. Целую минуту я чувствовал себя отлично. По крайней мере одно доброе дело за Марией Стюарт записать можно!

— Откуда ты так много знаешь о ней?

— В школе я писал о ней сочинение.

— Похоже, она тебе не слишком понравилась.

— Мне не понравилось то, что я узнал о ней.

— Значит, ты не понимаешь трагедии Марии Стюарт.

— Нет, почему же... Но ее настоящая трагедия была вовсе не в том, в чем все считают. Трагедия Марии Стюарт в том, что она родилась королевой, имея мировоззрение домохозяйки из пригорода. Насолить миссис Тюдор с соседней улицы — дело безвредное и даже занимательное; в худшем случае — посудачат немного,

перемоют косточки, и дело с концом. Но такая же стычка между венценосными особами ведет к катастрофе. Если ты готова поставить на карту страну с десятиmillionным населением, чтобы досадить коронованной сопернице, тебя ждет бесславный конец. — Грант помолчал. — Марию Стюарт ждал бы успех в качестве директрисы школы для девочек.

— Ты чудовище!

— Я в самом хорошем смысле. Учительницы любили бы ее, а воспитанницы — просто обожали. Именно это я и имел в виду, говоря о ее трагедии.

— Что ж, «письма из ларца» отменяются. Что еще есть в истории? Железная Маска?

— Я не помню точно, кто это был, но вряд ли меня заинтересует субъект, который прячет лицо за какой-то жестянойкой. Меня вообще никто безликий заинтересовать не может.

— Верно, я и забыла твою страсть к лицам. У всех Борджиа были поразительные лица; это семейство обеспечит тебе две-три загадки, если им заняться. Есть еще Перкин Уорбек¹, конечно. Самозванцы всегда интересны. Тот он, за кого себя выдает, или нет? Чудесная игра... И бесконечная. Как маятник. Или, скорее, кукла-неваляшка. Кажется, ты уже победил, прижал ее к полу, а она снова поднимается как ни в чем не бывало.

Дверь открылась, и в проеме показалась простодушная физиономия миссис Тинкер. На голове служанки Гранта была нахлобучена неизменная шляпка, которую та носила с тех пор, как стала у него работать. Грант уже не мог представить себе Тинкер в другой шляпке, хотя знал, что у нее есть еще одна, та надевалась исключительно с неким платьем, именовавшимся «мое синенькое»; его миссис Тинкер носила лишь по особым

¹ *Перкин Уорбек* (1474–1499) — самозванец, выдававший себя за сына английского короля Эдуарда IV — Ричарда.

случаям. На Тенби-корт, 19, она никогда в нем не появлялась. Это платье использовалось в качестве мерила любого события. («Ну, как вам там понравилось, Тинк?» — «Не стоило того, чтобы надевать мое синенькое».) Она облачалась в это платье на свадьбу принцессы Елизаветы и на другие церемонии, связанные с королевской семьей, и один раз даже попала в киножурнал, две незабываемые секунды, когда герцогиня Кентская разрезала ленточку на открытии какой-то выставки, — об этом Грант знал только понаслышке.

— Мне сказали, что у вас гости, — начала миссис Тинкер, — и я совсем уж решила уходить, да слышу, голос вроде знакомый, я и говорю себе: «Да это же мисс Халлард» — и зашла.

В руках у миссис Тинкер были груда бумажных пакетов и букетик анемонов. Она запросто поздоровалась с Мартой (в свое время она служила театральным костюмером и поэтому не проявляла чрезмерного преклонения перед богинями сцены) и искоса оглядела ветки сирени, прекрасную композицию, расцветшую усилиями Марты. Та этого взгляда не заметила, зато увидела анемоны и разыграла сценку как по нотам.

— Я нанимаю бездельника, чтобы раздобыть для тебя белую сирень, а потом приходит миссис Тинкер с полевыми лилиями и утирает мне нос!

— С лилиями? — с некоторым сомнением переспросила миссис Тинкер.

— Теми, что наряднее Соломона во всей его славе, теми, что не трудятся и не прядут.

Миссис Тинкер ходила в церковь только на венчания и крестины, но она принадлежала к поколению, в детстве ходившему в воскресную школу. Она по-новому взглянула на маленькую горсточку славы в обрамлении ее шерстяной перчатки.

— Ну что ж. Никогда так не думала. Про эти цветы. Всегда воображала что-то вроде арумов. Их поля и по-

Тэй Дж.

Т 96 Дочь времени ; Поющие пески : романы / Джозефина Тэй ; пер. с англ. Ж. Грушанской, А. Санина, Ю. Смирнова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 448 с. — (Звезды классического детектива).

ISBN 978-5-389-24725-3

Джозефина Тэй (наст. имя Элизабет Макинтош; 1896–1952) — знаменитая писательница, дочь шотландца и англичанки, признанный мастер детектива, драматург.

Роман «Дочь времени» (1951) отличается нетривиальным сюжетом: инспектор Скотленд-Ярда Алан Грант взялся за расследование преступления, совершенного в XV веке. Виновен ли Ричард III в убийстве своих племянников? Разноголосица свидетельских показаний из далеких времен подвергается самому тщательному пересмотру. Британской ассоциацией писателей-криминалистов этот роман в 1990 году признан лучшим детективом всех времен.

«Поющие пески» (1952), последнее произведение в серии про Алана Гранта, — совсем другая история, чувственная и музыкальная. Инспектор, приехавший в Шотландию поправить здоровье, половить рыбу, выходя из поезда, становится свидетелем происшествия: проводник обнаружил труп молодого человека в одном из купе. Профессиональное чутье подсказывает Гранту, что смерть попутчика не была случайной...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ДЖОЗЕФИНА ТЭЙ
ДОЧЬ ВРЕМЕНИ
♦
ПОЮЩИЕ ПЕСКИ

Ответственный редактор Елена Адаменко
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Людмила Дубовая, Людмила Быстрова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 06.12.2023.
Формат издания 76 × 100 1/32. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 19,74. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru	«Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге, 191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А, Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ филиалы, 191123, Санкт-Петербург, Воскресенская жағалауы, 12-үй, А лит., Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

A-MCD-33786-01-R